

УДК 811.161.1'37
DOI 10.52452/19931778_2024_4_181

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ: ТЕОРИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ

© 2024 г.

М.Л. Ковшова¹, Д.Б. Гудков²

¹Институт языкознания РАН, Москва

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

mlk@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 19.06.2024

Статья посвящена описанию культурной семантики языковых знаков. Вопросы культурной семантики рассматриваются в свете дифференциально-интегративных процессов, происходящих в современной лингвистике. Выделяются два основных подхода: структурный и антропологический; исследуются теоретические и методологические предпосылки сближения данных подходов. В статье указываются основные понятия, связанные с вопросами взаимодействия языка и культуры; обозначаются основные линии развития по исследованию культурного компонента в семантике языковых знаков; разграничиваются близкие, но не тождественные понятия «культурная информация» и «культурная семантика». Основное внимание в статье уделяется изучению культурной семантики и иерархии знаков языка, обладающих культурной семантикой. По гипотезе, выделяются два типа знаков с культурной семантикой по их связи с ценностно значимыми смыслами культуры. Для описания особенностей воплощения культурной семантики в семантику языковую исследуются прецедентные языковые феномены и фразеологизмы. Особое внимание уделяется экспериментальному исследованию культурной семантики на примере фразеологизма *Евина дочь/дочь Евы*.

Ключевые слова: знаки языка, культурная семантика, культурная информация, ценностное содержание, фразеологизм, прецедентное имя.

Введение

В современной лингвистике сложились два основных подхода, которые условно можно обозначить как структурный и антропологический. В рамках первого подхода язык рассматривается как автономное семиотическое образование и исследуется как система отношений различительных единиц. При этом допускается, что всё, связанное с культурой, жизнедеятельностью и духовным миром человека, проявляется в языке, но все эти проявления сознательно выносятся исследователями за пределы лингвистического знания, поскольку «всё это уже “за языком”» [1, с. 15]. В науке о языке XXI века продолжается «эволюция лингвистических идей» [2]. Последователи структурного подхода продолжают развивать методологию, строго фиксирующую факты языка и объясняющую их, исходя исключительно из законов и тенденций развития языковой системы. С позиций второго подхода, имеющего антропологическую направленность, язык понимается как имманентное свойство человека; как «система символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [3, с. 657–658]. Язык исследуется как целостный антропологический феномен (по В.И. Поставаловой), в соединении с мышлени-

ем, сознанием, культурой, системами социальных отношений. Субъектом языка выступает человек, социум, этнос; объектом изучения становится отраженное в языке мировидение, культура в разных ее проявлениях, языковая картина мира, концептосфера и т.д. И для структурного, и для антропологического подходов в лингвистике отправной точкой является тезис о том, что язык как вторичная моделирующая система отражает реальность опосредованно, через символы. С антропологических позиций человек изначально есть «человек символический» (*homo symbolicus*) (по Э. Кассиреру), поскольку существует в культуре и изначально включен в ее семиотические системы: в обычаи, ритуалы, обряды, мифологию, религию, искусство (согласно Э. Бенвенисту, Н.И. Толстому, Ю.С. Степанову и др.). Тем самым, человеческий язык также существует в культуре, во взаимодействии с системами культуры, ее знаками и смыслами; языковой знак отражает действительность и концептуализирует, «схватывает» мир через призму «окультуренного» (по В.Н. Телия) мировидения.

В настоящее время взаимодействие двух подходов носит дифференциально-интегративный характер. С одной стороны, разные научные парадигмы стремятся к четкому определению

нию границ своей предметно-объектной сферы, разработке своей методологии и метаязыка. С другой стороны, разные подходы имеют тенденцию к сближению; так, исследования по типологии языков, контрастивной лингвистике и др. используют методы и способы анализа, принятые в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и др. Например, сравнительно-историческое и типологическое исследование терминов родства проводится во взаимодействии с основными положениями этнолингвистики и лингвокультурологии; термины родства определяются как «культурный код, который используется при концептуализации <...> понятий и явлений окружающего человека мира» [4, с. 6]. Изначально исследование терминов родства ведется во взаимосвязи с фактами истории и культуры этносов (см. работы Э. Бенвениста, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Н.И. Толстого, Д.И. Эдельман и др.), с понятием культурной коннотации (Ю.Д. Апресян, И.Б. Качинская и др.). В русле культурно-семиотической парадигмы термины родства описываются как концепты культуры (Ю.С. Степанов, С.Е. Никитина и др.). В когнитивной лингвистике анализ терминов родства проводится в аспекте исследования когнитивной метафоры (Н.Н. Болдырев, Л.Г. Бабенко, А.П. Чудинов и др.). В этнолингвистике категория родства описывается как особый код в культуре и языке; отмечается, что «в культурных текстах семейно-родовые отношения выступают как продуктивная семантическая модель <...> донор» [5, с. 19]. Интегративный метод исследования, объединяющий принципы и способы лингвистического, когнитивного (фреймового) и культурологического анализа терминов родства в идиомах и поговорках, предложен в [6].

В работах как структурной, так и антропологической направленности ставятся вопросы о культурном компоненте в семантике языковых знаков, об особенностях употребления языковых единиц в речевых жанрах, в дискурсах культуры и др. С целью найти объяснение тому, как культура действует в языке и осуществляет «память о себе» (по Ю.М. Лотману), описать способы «вплетения» культуры в семантику языкового знака (по Н.И. Толстому), изучить «кванты культуры» в ментальности человека (по Ю.С. Степанову), исследовать «погружение» языка «в жизнь» (по Н.Д. Арутюновой) возникли понятия и термины: логоэпистема (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин и др.), культурема (В.Г. Гак), лингвокультурема (В.В. Воробьев), ключевые слова культуры (А. Вежбицка), культурная коннотация (Ю.Д. Апресян,

В.Н. Телия), концепты культуры (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова), коды культуры (Ю.М. Лотман, С.М. Толстая), дискурсы культуры (Н.Г. Брагина, Т.Б. Радбиль) и др. Вокруг основных понятий сложились научные коллективы, сформировались школы. Так, поиск методологии по исследованию культурных концептов («время», «пространство», «число», «смех», «мир» и др.) проводился и проводится на конференциях семинара «Логический анализ языка». Согласно Н.Д. Арутюновой, «каждый концепт говорит особым языком, для него характерен свой синтаксис, своя фразеология, устойчивый лексикон, шаблоны, своя область референции» [7, с. 3]. «Московской группой культурной семантики» [8, с. 14] исследуется языковая картина мира, описываются лингвоспецифичные и культуроспецифичные слова. Научным коллективом (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.М. Вознесенская и др.) развивается идея когнитивного подхода в исследовании идиом, выделяются три уровня ментальной мотивированности их внутренней формы (образной семантики): уровень индивидуальных представлений; уровень структур знаний (фреймов и сценариев); уровень абстрактных отношений между областью источника и областью цели метафоры [9, с. 101]. В научной школе В.Н. Телия развивается лингвокультурологическое направление (Д.Б. Гудков, И.В. Зыкова, М.Л. Ковшова, Е.О. Опарина, О.С. Орлова и др.); разработан метод культурологического комментирования (см., например [10]); создан словарь лингвокультурологических терминов [11]. В качестве основного понятия выступает культурная информация, которая понимается как форма осознания мира, как сведения о процессах и продуктах самопознания человечества. Разрабатывается понятие культурной коннотации, которая описывается как одна из форм проявления результатов взаимодействия языка и культуры, входящая в виде культурного компонента в семантику языкового знака или проявляющаяся в дискурсе [12].

Основные положения и анализ материала

За последние годы в работах лингвистов (см., например [8; 13–15]) начинает утверждаться термин «культурная семантика». В культурологии под культурной семантикой понимается исследование культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла; культурные объекты рассматриваются как средства трансляции культурно значимой информации, реализующейся в процессах кодирования. В работах лингвокультурологической направленности под **культурной семантикой** понимается получив-

шая воплощение в языке ценностно значимая культурная информация, которая связана с главным в познании человеком мира – с выделением из всего существующего ценностей, служащих ориентирами в эмпирической, духовной, социальной и др. сферах жизнедеятельности [11].

Наличие различных понятий и, соответственно, выделение в языке единиц, обладающих культурной информацией и, более того, культурной семантикой, заставляет задуматься об иерархии последних в их связи с культурой. Возникает неизбежный вопрос: что следует понимать под культурой? К культуре относится все, что опосредовано сознанием человека, чему присвоена ценность (положительная или отрицательная) и что сознательно воспроизводится человеком. Согласно данному пониманию, все знаки языка содержат в себе культурную информацию, поскольку возникают в культуре и так или иначе взаимодействуют с пространством культуры. При этом не все знаки языка обладают культурной семантикой, то есть не во всех знаках языка запечатлено ценностное содержание культуры. Наиболее насыщенными культурной семантикой являются паремии, идиомы, прецедентные имена, крылатые выражения и др. Культурная релевантность данных языковых знаков и их связь с ценностными «ориентирами» обусловлена самим возникновением фразеологизмов, паремий, прецедентных имен и др. в семиотических системах культуры и формированием их семантики под влиянием ценностного содержания, которое хранят и транслируют семиотические системы культуры (ритуал, миф, фольклор, религия, литература, искусство).

В своем исследовании мы предлагаем выделять **два типа** языковых знаков, обладающих культурной семантикой, но отличающихся по связи языкового знака с культурой, ее ценностно значимыми смыслами – связи изначальной или приобретенной.

1. Языковой знак может обозначать объект, уже обладающий культурной семантикой, на том основании, что данный объект (культурный предмет, идеальный конструкт) принадлежит предметной области культуры и соединен с ценностно значимой информацией, для обозначения которой сформировался «язык» культуры, включающий такие понятия, как «символ», «миф», «эталон», «стереотип», «антимир», «антигерой», «сверхъестественное» и др. Изначальная связь языкового знака с объектом культуры, обладающим культурной семантикой, обнаруживается в самих словарных толкованиях языковых знаков – для описания культурно значимого объекта в них используется «язык»

культуры; ср. такие слова, как *алтарь, ангел, Библия, дракон, корона* и др. Ср. толкования, например: «АНГЕЛ <...> 1. В религиозной мифологии сверхъестественное существо, посланец бога, якобы покровительствующий человеку»; «КОРОНА <...> 1. Металлический, с украшениями головной убор монарха, являющийся символом его власти» [16, с. 32; 249]. В таких знаках язык не столько формирует, сколько отражает культурную семантику объекта.

2. Языковой знак может указывать на объект, не относящийся к культуре, его культурная семантика формируется в языке и развивается внутри языковой знаковой системы при участии других знаковых систем. К числу таких языковых единиц относятся, например, слова: *медведь* (персонаж в обрядах, ритуалах, народной сказке, медведь на гербах городов, во фразеологии – эталон неуклюжести, грубости, многосторонний символ современного политического дискурса и т.д.), *гора* (многозначный символ большого объема, количества, удаленной границы, тяжести, неподвижности, восхождения/падения, представленный во фразеологизмах и поговорках), *порог* (один из архетипических образов границы «своего-чужого» пространства – обереги, различные ритуальные действия). Культурная семантика составляет основу переносных значений таких слов и образных выражений, в состав которых данные слова входят в качестве компонента; ср., например: «МЕДВЕДЬ <...> 2. перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке»; «ГОРА <...> Идти под гору (также перен.: об ухудшении чьего-н. положения, состояния). С гору (о чем-н. очень большом). <...> Горы или горами двигать (перен.: о возможности совершать большие дела). <...> 2. перен. Нагромождение, куча, множество» [16, с. 286; 123].

Итак, мы предлагаем выделять два типа знаков, насыщенных культурной семантикой: 1) культурная семантика которых отражается языковой знаковой системой и 2) культурная семантика которых формируется языковой знаковой системой при участии/под воздействием других семиотических систем культуры. Четких границ между этими типами не существует; их составляющие находятся в отношениях взаимовлияния и взаимозависимости. Мы лишь говорим об определенной тенденции.

Языковой знак, отражающий культурную семантику объекта, изначально относящегося к предметной области культуры, является плодотворным источником образования языковых знаков с культурной семантикой – слов и выражений. Тем самым языковой знак, **отражающий** культурную семантику (знак 1-го типа), может

принимать на себя функцию знака, **формирующего** культурную семантику (знак 2-го типа).

К таким знакам, отражающим семантику культурных объектов, к знакам, в семантике которых культурные смыслы не только хранятся, но и растут, эволюционируют [17], относятся, например, прецедентные имена (ПИ). Коротко остановимся на определении данных единиц. Мы называем прецедентным именем (ПИ) воплощенное имя собственное, знакомое практически всем социализированным представителям определенного лингвокультурного сообщества, связанное с широко известным текстом, ситуацией и/или фиксированным комплексом определенных качеств, способное регулярно употребляться интенционально (коннотативно), т. е. исполнять роль семантического предиката, при этом его коннотативное (характеризующее) употребление не нуждается в каких-либо пояснениях для большинства социализированных представителей лингвокультурного сообщества [18]. Определяющим признаком прецедентных имен является существование общенационального инвариантного представления, стоящего за каждым из них. Имеется в виду, что из всего множества часто противоречивых характеристик того культурного объекта, на который указывает ПИ, вычленяется и сохраняется весьма ограниченный набор (ср.: *Обломов* – лентяй, *Эйнштейн* – гений, великий ученый).

Со времен античности считалось, что имя собственное лишь указывает на тот или иной объект, никак не характеризуя его. Прецедентные имена отличаются от других онимов тем, что указывают на объект, который был выделен в культуре; ПИ наделены понятийностью, способностью типизировать и обобщать; в речи они выполняют функцию характеристики; им свойственна экспрессивность и аксиологичность. Важно отметить, что прецедентные феномены (имена, ситуации, тексты) играют важную роль в конструировании ценностной шкалы лингвокультурного сообщества и его национальной мифологии. Не случайно любые попытки изменить парадигму социального поведения сопровождаются стремлением к реформатированию ценностной шкалы, это отражается на изменении языковой и культурной семантики ПИ, ее «окультуренного» оценочного компонента, ведет к «пересмотру» воплощенных в них смыслов культуры и их трансляции в дискурсе (ср.: *Павлик Морозов* – герой vs предатель).

Наиболее насыщенными культурной семантикой оказываются те имена, денотат которых прямо или косвенно отсылает к прецедентным текстам и прецедентным ситуациям, за которы-

ми закрепилось ценностно значимое содержание; это касается, прежде всего, теонимов, мифонимов, исторических имен, литературных имен и др., например: *Иуда*, *Давид* и *Голиаф*, *Наполеон*, *Анна Каренина* и др. При интенциональном употреблении таких имен высказывание, их содержащее, обретает ярко выраженную экспрессивность, оценочность, этиологичность (см. [19]).

Прецедентные имена являются знаками 1-го типа, то есть обладают культурной семантикой на том основании, что их денотат является культурным объектом. Использование ПИ в характеризующей функции превращает их в знаки 2-го типа, культурная семантика которых продолжает развиваться в языковой знаковой системе, развивает новые коннотации, мотивирует семантику фразеологизмов и паремий и др.

Для примера рассмотрим прецедентное имя *Ева*. Данное ПИ – знак 1-го типа. В сознании человека, независимо от его вероисповедания или отношения к религии, ПИ *Ева* неотделимо от самого культурного объекта (библейский персонаж, Ева), широко известных прецедентного текста (Священное Писание) и прецедентной ситуации (искушение, нарушение табу). В данном знаке культурный объект – обозначаемое, *Ева* – обозначающее; тем самым, ПИ является культуремой, по В.Г. Гаку [20]. Культурная семантика ПИ как знака 1-го типа обусловлена самой историей денотата (персонажа библейской легенды). Образ Евы соединен с еще более древней мифологемой – о праматери человечества. «*Ева* из др.-евр. *хаава* жизнь, жизненная; согласно легенде, имя первой женщины на Земле» [21, с. 180]. По истории, изложенной в Библии, Ева поддавалась искушению змея, нарушила запрет и уговорила нарушить запрет Адама. Ср.: «*И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел*» (Книга Бытие 3:6). Ср. также послание апостола Павла: «*Пусть женщины учатся тихо, в полной покорности. Я не позволяю женщине учить или же руководить мужчиной; ей следует молчать. Ведь первым был сотворен Адам, а потом Ева, и обманут был не Адам, а женщина, именно она поддавалась лжи и совершила грех*» (1-е послание Павла Тимофею 2:11–14).

Культурная семантика ПИ *Ева* как знака 2-го типа развивается, главным образом, в составе паремий и фразеологизмов. Ср., например, фразеологизмы, в состав которых входит теоним *Ева* (часто в паре с теонимом *Адам*): *в костюме Евы*; *начинать с Адама и Евы*; *дети Адама и Евы*; *дочь Евы* (*внучка*; *правнучка Евы*); *вторая Ева* и др. В работе [22] подробно

описана семантика фразеологизмов, выделены семантические таксоны когнитивных метафор (ПРОШЛОЕ, НАЧАЛО, СТАРОЕ – НОВОЕ, ЧЕЛОВЕК, ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА и др.).

Для исследования культурной семантики, способов ее воплощения в языковом знаке рассмотрим фразеологизм *дочь Евы/Евина дочь*, у которого имеется два значения: 1. Женщина, представительница женского пола; 2. Женщина, в которой особенно ярко проявляются эталонные женские качества (см. толкования в [23, с. 67; 24, с. 251]). Данный фразеологизм по способу образования первого значения следует отнести к перифразам, второго значения – к идиомам. Приведем примеры из НКРЯ [25], иллюстрирующие первое и второе значения:

1. Ночь – царство *дочерей Евы*. Там, за плотно прикрытыми дверьми спален, происходит вечное, стыдное, почтенное, законное [«Сибирские огни», 2013];

2. Во всяком случае, пока существует наша старая планета и где-то, на какой-то точке её живёшь ты – *Евина дочка*, многогрешная, пленительная и прекрасная... [Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)].

И в первое, и во второе значение фразеологизма «вплетена» культурная семантика, в которой следует различать: культурные семы, культурные коннотации, культурные концепты, культурный фон (см. подробнее [26]). Так, в первом значении, в денотативном аспекте, содержатся **культурные семы**, т.е. культурно маркированные смыслы («первая женщина», «праматерь»), обозначающие культурный объект («Ева»). Также в первом значении фразеологизма нашли отражение **культурные концепты** («ЖЕНЩИНА», «ПЕРВАЯ», «НАЧАЛО», «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ» и др.), понимаемые как итог концептуализации ценностно значимых непредметных сущностей в текстах культуры (библейская история, миф о создании первой женщины и др.). Второе значение фразеологизма, помимо **культурных сем**, мотивирующих образ фразеологизма, и **культурных концептов** («ЗАПРЕТ», «ОБОЛЬЩЕНИЕ», «ГРЕХ», «ПОРОК» и др.), образующихся при интерпретации образа в мифах о грехопадении и др., – второе значение фразеологизма насыщено **культурными коннотациями**, которые образуются в ходе интерпретации образа в соотношении с архетипами («мужчина» – «женщина», «сильный» – «слабый» и др.), с мифологемами о праматери, с разными стереотипами, эталонами, образами женщины в фольклоре, литературе (прозе и поэзии), публицистике, искусстве. Также важен **культурный фон**, на котором употребляется и воспринимается фразео-

логизм через призму тех или иных позиций, обусловленных установками, характерными для того или иного этноса (социума) в ту или иную эпоху. Культурный фон может проявляться уже при описании фразеологизма. Так, толкование в Словаре М.И. Михельсона (первое издание вышло в 1892–1893 гг.) несет на себе печать эпохи, отражая «мужской» взгляд на женщину как слабое по своим качествам существо; ср.: «*Евина внучка (дочка)* иноск. о женском любопытстве и других слабостях женщины» [27, с. 279].

Библейская этимология фразеологизма влияет на область его употребления, что отмечается в словарях с помощью стилистической пометы **книжн.** (книжное). Оценочность данного выражения в словарях не отмечена, зато имеется помета **шутл.** (шутливое). Ср.: **шутл.** «О женщине» [23, с. 67]. Шутливость употребления «снимает» этическую оценку, «переводит» ее в область комического; ср. примеры в [25]: – О *дочери Евы!* Коварство имя вам! [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)]. Однако имплицитно оценочность во фразеологизме присутствует – она «наводится», по Т.Б. Радбилю [14], контекстом, эксплицируется «общими усилиями» ближайшего лексического окружения. Ср. примеры в [25]: Сергей облегченно расхохотался: – Любопытная *дочь Евы* наказана по заслугам [И.А. Ефремов. Лезвие бритвы (1959–1963)].

В настоящее время ПИ *Ева* как языковой знак 1-го типа мотивирует создание новых слов и новых культурных смыслов. Так, на синхронно-современном срезе взаимодействия языка и культуры в результате контаминации имени *Ева* и слов *эволюция* и *революция* возникло слово «евалюция» – языковой знак 2-го типа. Неологизм появился в 2020 г. в Европе и бытует в интернет-коммуникации в качестве хештега. Новое слово понятийно связано с усилением роли женщин в жизни общества и уже получило отражение в Словаре культуры XXI в. *Евалюция* как культурный феномен «предполагает усиление роли тех ценностей, которые традиционно считаются подчеркнuto «женскими» <...> В политической сфере – это ненасильственный протест с мирными действиями. Шире – это ценности сохранения жизни, терпимости к разнообразию, другим формам жизни, другим культурам и т.д.» [28, с. 136]. От феминизма *евалюцию* отличает отсутствие агрессивности, подчеркнутая феминность женщины и др.

Для подтверждения теоретических положений было проведено экспериментальное исследование. В задачи такого исследования входило: 1) выявление в реакциях респондентов «следов» культурной семантики ПИ *Ева* и фразео-

логизма *дочь Евы/Евина дочь*; подтверждение того, что те или иные культурные смыслы когнитивно релевантны сознанию современного носителя языка; 2) выявление «роста» культурных смыслов в семантике фразеологизма. Был проведен экспериментальный опрос, построенный методом анкетирования; ссылка на опрос опубликована в телеграм-канале на 300 человек и распространена его подписчиками. В эксперименте приняли участие 195 человек из разных гендерных, социальных, профессиональных групп, указавшие, что родным языком, на котором они думают, является русский язык. Кроме формальной части анкеты, основная часть эксперимента включала ряд прямых и косвенных вопросов («Знаете ли Вы значение этого фразеологизма (если не гуглить)?»; «Употребляете ли Вы сами этот фразеологизм?»; «В каких текстах, устных или письменных, Вам встречалось это выражение (укажите эти тексты)?»; «Знаете ли Вы аналоги данного выражения в других языках?» и др.), а также предложение дать собственное толкование фразеологизма в свободной форме.

Эксперимент показал, что фразеологизм воспринимается респондентами во всей многослойности его культурно-языковой семантики. 60% респондентов проявили знание фразеологизма и умение выделять в его семантике два значения. Ср., например, ответ: 1) *существо женского пола*; 2) *истинная женщина, обладательница черт характера, которые традиционно считаются женскими*. Проявлено знание этимологии образа; приводимые респондентами аналоги подтверждают интернациональность и распространенность выражения благодаря его библейскому происхождению; ср.: *Daughter of Eve; daughter of Eve, son of Adam*. Формулировки ответов подтверждают наличие **культурной семы** в семантике фразеологизма («*предполагаю, что имеются в виду женщины, как биологический вид, поскольку в Христианстве считается, что женщины произошли от Евы, а мужчины от Адама*»; «*эта формулировка про женщину максимально подходящую под какие-либо качества своей прародительницы*»).

Связь фразеологического образа с **культурными концептами** эксплицируется в семантике слов, которые использованы в толкованиях: «НАЧАЛО» («*я бы предположила, что это как-то связано с началом человечества*»); «ЗАПРЕТ» («*Так же, как и Ева, нарушающая запреты*», «*склонная к нарушениям правил*»); «ПОРОК», «ГРЕХ», «ИСКУШЕНИЕ» («*Что-то связанное с пороком*», «*что-то связано с непорочностью или наоборот*»; «*грешная женщина, повторяющая путь евы*», «*женщина*

поддается искушению и искушает сама») и др. Также в толкованиях проявляются **культурные коннотации**, подтверждающие интерпретацию образа фразеологизма, его связь со стереотипами и эталонами женщины в культуре: «любопытство» (41 ответ из 195), далее по убыванию от 13 до 2 ответов: «грешная», «искусительница»; «коварство»; «красивая»; «обманщица»; «независимая»; «наивная» и др. В ответах есть прямое указание на оценочность фразеологизма; ср.: «*Женщина, часто почему-то с негативным оттенком*»; «*"женщина" с негативным окрасом или в негативной ситуации*»; «*Возможно, выражение с негативным подтекстом*»; «*не могу сказать значение или оттенок (положительно или отрицательное)*».

В ответах содержится указание на **культурный фон**, на котором прочитываются значения фразеологизма. Сами формулировки ответов говорят о том, что респонденты воспринимают фразеологизм, дистанцируясь от религиозного миропонимания; в ответах проявляются другие ракурсы видения образа; ср.: 1) «*лицо женского пола, возможно христианка*»; «*любая женщина*»; 2) «*женщина с точки зрения христианина*»; «*феминная женщина*». В ответах отражено понимание того, что во фразеологизме нашли свое воплощение традиции и установки прежних эпох; ср.: «*идеал патриархального представления о женщинах*»; «*женщина, у которой развиты стереотипно "женские" черты*» и др.

Употребление фразеологизма в настоящее время респонденты связывают со стилистическими задачами или идеологическими целями: «*в качестве синонима/замены слову "женщина", в художественных текстах или публицистических*»; «*Когда нужно возвышенно и с религиозной отсылкой указать на качество какой-то женщины*»; «*для драматического/религиозного эффекта*»; «*в пафосных текстах с отсылками на Библию*»; «*Стилизация под средневековую речь*»; «*переводы иностранной литературы*»; «*с иронией в детективах Донцовой*»; «*когда религиозники говорят о женщинах*», «*я слышала, что патриархальные мужичины говорили о Еве как о женщине, за чьи ошибки сейчас расплачивается все человечество*. Такой нарратив предлагает дополнительное объяснение женоненавистничеству». Около 90% респондентов ответили, что сами не употребляют данное выражение, поскольку оно транслирует чуждые им идеи и ценности; ср.: «*женщина в негативном и антифеминистском ключе*»; «*Проповеди и труды средневековых священников и писателей, с нейтрально-мизогинным подтекстом (Подчеркивается вина и порочность женщины в грехопадении)*» и др.

Тем самым, ограничение на употребление фразеологизма носит не только стилистический, но и ценностно маркированный характер.

Эксперимент выявил изменения в культурной семантике фразеологизма *дочь/дочери Евы*, который генерирует новые смыслы, отвечая запросам современной культуры. Около 90% ответов отметили использование выражения как перифраза для описания людей в отличие от сверхъестественных существ; ср.: «в фэнтези для уточнения, что героиня именно человеческая женщина, а не кто-то волшебное создание»; «обращение к человеческим женщинам из Хроник Нарнии»; «Хроники Нарнии – сюжетно важно то, что герои люди + христианский контекст».

Заключение

Среди языковых знаков, насыщенных культурной семантикой, предлагается различать два типа знаков: 1) культурная семантика которых **отражается** языковой знаковой системой и 2) культурная семантика которых **формируется** языковой знаковой системой при участии/под воздействием других семиотических систем. Не все знаки языка относятся к знакам 1-го типа; все знаки языка потенциально открыты для того, чтобы стать знаками 2-го типа. В отношении таких феноменов, как прецедентные имена, типы знаков могут сосуществовать, находиться во взаимодействии. Экспериментальный анализ фразеологизма *Евина дочь/дочь Евы* показал, что культурная семантика выражения когнитивно релевантна сознанию современных носителей языка; что культурная семантика имеет разную форму воплощения в семантике фразеологизма (культурная сема; культурная коннотация; культурный концепт; культурный фон) и все они осознаются современными носителями языка. Получила подтверждение гипотеза, что в семантике языкового знака не только хранятся, но и генерируются культурные смыслы, это выражается в возникновении новых слов и стоящих за ними понятий («евалюция»), нового культурного фона («антифеминистские проповеди») и оценочных коннотаций («мизогинный образ»); проявляется в выборе и употреблении выражения (для стилистических и идеологических целей); в появлении новых культурных сем («человеческие женщины»), отражающих новые явления культуры (фэнтези и др.).

Список литературы

1. Реформатский А.А. Фонологические этюды. М.: Ин-т языкознания, 1975. 134 с.
2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 в. (опыт парадигмально-

го анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.

3. Арутюнова Н.Д. Язык // Русский язык: Энциклопедия. М.: БРЭ, Дрофа, 1997. С. 652–658.

4. Смирнитская А.А. Дравидийские термины родства с точки зрения типологии семантических переходов. Дис. ... канд. филол. н. М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. 25 с.

5. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М.: Индрик, 2009. С. 7–22.

6. Ковшова М.Л. Языковой, когнитивный, культурологический анализ во взаимодействии: на материале русских паремий и фразеологизмов с терминами родства // Когнитивные исследования языка. Вып. № 4 (55). Когнитивная лингвистика в контексте современной науки. М.–Тамбов–Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2023. С. 50–55.

7. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Языки славянских культур, 1991. С. 3–4.

8. Гладкова А. Русская культурная семантика. Эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. 304 с.

9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Изд. дом «ЯСК», 2024. 280 с.

10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ–ПРЕСС ШКОЛА, 2024. 784 с.

11. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. 189 с.

12. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.

13. Брагина Н.Г. Культурная семантика фразеологизмов: работа подсознания по материалам разных языков // Но мы сохраним тебя, русский язык! Колл. монография, посвященная 90-летию акад. В.Г. Костомарова. М.: Флинта, 2020. С. 222–231.

14. Радбиль Т.Б. «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков // Когнитивные исследования языка. Знаки языка и смыслы культуры. Вып. 2 (45). М.–Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2021. С. 283–293.

15. Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах. Принцип непрямого номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.

16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., стереотип. М.: Образование, 2023. 736 с.

17. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство–СПБ, 2004. 703 с.

18. Гудков Д.Б. Мифология русского политического дискурса (на примере неологизмов) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2 (48). С. 118–129. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129.

19. Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские преедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
20. Гак В.Г. Асимметрия в лингвострановедении // В кн.: Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 139–151.
21. Суперанская А.В. Имя – через века и страны. М.: URSS, 2007. 192 с.
22. Вознесенская М.М. *Адам и Ева* в русской идиоматике // Язык. Человек. Культура. М.: ИЯ РАН, 2022. С. 170–176.
23. Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-н/Дону: Феникс, 1996. 352 с.
24. Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.
25. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.06.2024).
26. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. В 2 ч. Ч. 1. Минск: Універсітэцкае, 1994. С. 13–15.
27. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 тт. М.: Русские словари, 1994. Т. 1. 819 с.
28. Словарь культуры XXI в. М.: Ин-т перевода, 2022. 464 с.

CULTURAL SEMANTICS OF LANGUAGE SIGNS: THEORY AND EXPERIMENT

M.L. Kovshova, D.B. Gudkov

The article deals with the description of cultural semantics of language signs. The issues of cultural semantics are addressed in the light of differential-integrative processes of modern linguistics. Two main approaches are considered: structural and anthropological. Theoretical and methodological ways of their possible convergence are studied. The paper provides the basic notions connected with the interaction of language and culture and highlights the main ways of the development of the research of the cultural component in the language signs semantics. Close, however not identical, notions – “cultural information” and “cultural semantics” – are distinguished. The focus is on the research of cultural semantics and the hierarchy of language signs which possess cultural semantics. According to the hypothesis, there are two types of signs with cultural semantics differentiated according to their connection with axiologically significant senses of culture. To describe the peculiarities of the embodiment of the cultural semantics into the language semantics, precedent language phenomena and phraseological units are studied. The focus is on the experimental research of cultural semantics as applied to the Russian phraseological unit *Евина дочь / дочь Евы* (Eve's daughter / the daughter of Eve).

Keywords: language signs, cultural semantics, cultural information, axiological cultural content, phraseological unit, precedent name.

References

1. Reformatsky A.A. Phonological studies. M.: Institute of Linguistics, 1975. 134 p.
2. Kubryakova E.C. The evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigmatic analysis) // Language and science of the late 20th century. M.: Institute of Linguistics RAS, 1995. P. 144–238.
3. Arutyunova N.D. Language // Russian language: encyclopedia. M.: Bre, Bustard, 1997. P. 652–658.
4. Smirnitkaya A.A. Dravidian kinship terms from the point of view of the typology of semantic transitions. Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2022. 25 p.
5. Tolstaya S.M. The category of kinship in an ethno-linguistic perspective // The category of kinship in language and culture. M.: Indrik, 2009. P. 7–22.
6. Kovshova M.L. Linguistic, cognitive, cultural analysis in interaction: based on the material of Russian paroemias and phraseological units with kinship terms // Cognitive language Studies. Issue № 4 (55). Cognitive linguistics in the context of modern science. Moscow–Tambov–Chelyabinsk: South Ural State University, 2023. P. 50–55.
7. Arutyunova N.D. From the editor // Logical analysis of the language. Cultural concepts. M.: Languages of Slavic cultures, 1991. P. 3–4.
8. Gladkova A. Russian cultural semantics. Emotions, values, life attitudes. M.: Languages of Slavic culture, 2010. 304 p.
9. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. Essays on general and Russian phraseology. M.: Publishing house «YaSK», 2024. 280 p.
10. A large phraseological dictionary of the Russian language. Values. Consumption. Cultural commentary / Ed. by V.N. Teliya. M.: AST-PRESS, 2024. 784 p.
11. Kovshova M.L., Gudkov D.B. Dictionary of linguistic and cultural terms. M.: Gnosis, 2018. 189 p.
12. Teliya V.N. Priority tasks and methodological problems of researching the phraseological composition of language in the context of culture // Phraseology in the context of culture / Ed. V.N. Teliya. M.: Languages of Russian culture, 1999. P. 13–24.
13. Bragina N.G. Cultural semantics of phraseological units: the work of the subconscious mind based on materials from different languages // But we will save you, the Russian language! A monograph dedicated to the 90th anniversary of Academician V.G. Kostomarov. M.: Flint, 2020. P. 222–231.
14. Radbil T.B. «Cultural background» as an implicit cultural component in the semantics of linguistic signs // Cognitive studies of language. Language signs and cultural meanings. Issue 2 (45). M.– Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2021. P. 283–293.

15. Orlova O.C. Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures. The principle of indirect nomination. Cognitive and cultural research. M.: LENAND, 2022. 240 p.
16. Ozhegova S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 27th ed., stereotype. M.: Education, 2023. 736 p.
17. Lotman Y.M. Semiosphere: culture and explosion. Inside the thinking worlds. Article. Researches. Notes. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2004. 703 P.
18. Gudkov D.B. Mythology of Russian political discourse (on the example of neologisms) // Questions of Psycholinguistics. 2021. № 2 (48). P. 118–129. DOI: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-118-129.
19. Gudkov D.B. People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth. Linguistic and cultural dictionary. M.: LENAND, 2020. 200 p.
20. Gak V.G. Asymmetry in linguistics // In the book: Gak V.G. Linguistic transformations. M.: Languages of Russian culture, 1998. P. 139–151.
21. Superanskaya A.V. Name – through centuries and countries. M.: URSS, 2007. 192 p.
22. Voznesenskaya M.M. Adam and Eve in Russian idiomatics // Language. Human. Culture. M.: IL RAS, 2022. P. 170–176.
23. Birikh A., Mokienko V., Stepanova L. Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 352 p.
24. Kovshova M.L. Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms. M.: LENAND, 2019. 352 p.
25. NCRL – The National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. Access mode: <https://ruscorpora.ru> (Date of access: 10.06.2024).
26. Teliya V.N. Nominative composition of language as an object of linguoculturology // National-cultural component in the text and in the language. In 2 part. P. 1. Minsk: Universitetskoe, 1994. P. 13–15.
27. Mikhelson M.I. Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of Russian phraseology. A collection of figurative words and parables. In 2 volumes. M.: Russian Dictionary, 1994. Vol. 1. 819 p.
28. Dictionary culture of the XXI century. M.: Institute of Translation, 2022. 464 p.